

Для цитирования: Давыдов, И. А.
Деантропологические аспекты
неаутентичной виртуальности / И. А. Давыдов //
Социум и власть. — 2023. —
№ 1 (95). — С. 26—38. —
DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-26-38. —
EDN VCLVTB.

УДК 128

EDN VCLVTB

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-26-38

ДЕАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕАУТЕНТИЧНОЙ ВИРТУАЛЬНОСТИ

Давыдов Игорь Александрович,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
аспирант кафедры философской антропологии
философского факультета.
Москва, Россия.
E-mail: galindas@yandex.ru

Аннотация

Введение. Влияние виртуальной реальности на процессы деантропологизации становится очевидным фактом развития числовых соотношений, детерминирующих философские концепты в направлении постгуманистического дискурса. В данном типе дискурса человек низведён до числовой операции, промежуточного процессуального звена в сетевой структуре числового соотношения с другими объектами цифровой сети.

Цель. Цель данной статьи состоит в выявлении соотношения виртуальности и воображения, различения между человеком виртуальным и живо воображающим.

Методы. В статье применены методы деконструкции, представляющей выделение новых

философских значений устоявшихся пониманий виртуальности и связанных с ней антропологических типов, и феноменологический метод исследования вопросов виртуальности и антропологической реальности, формирующий новые перспективы исследования феномена виртуальности через обращение к конститутивной роли сознания.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования представлена открытием нового антропологического различения между homo imaginabundus и homo virtualis, предполагающего онтологические отличия данных типов в их обращении к субъективной и объективной конституирующей роли сознания.

Результаты. Если антропологический тип homo imaginabundus является живо воображающим и связан с феноменами аутентичной виртуальности и субъективности, то homo virtualis — относится к неаутентичной виртуальности лишь как один из возможных её вариантов без связи с самоаффектирующим составляющим как таковым.

Выводы. Антропологическая реальность находится в состоянии бифуркации, из которой она может выйти несколькими путями, наиболее вероятными из которых будут пути деантропологизации в алгоритмических потоках и кодах цифровой среды, либо путь сохранения феноменов самовоздействия, живого воображения, связанных с субъективностью и полем аутентичной виртуальности.

Ключевые слова:

homo imaginabundus,
homo virtualis,
деантропологизация,
аутентичная виртуальность,
цифровая постонтология

Введение

Автором исследуется дихотомия человека воображающего (*homo imaginabundus*) и человека виртуального (*homo virtualis*). Если первый антропологический тип определяется аутентичным модусом виртуальности и является «живо воображающим» (перевод лат. *imaginabundus*), то второй пребывает человеком «возможным» (перевод лат. *virtualis*), и эта возможность, в силу отсутствия предиката «живо», в большей мере соотносится с неаутентичным модусом виртуальности, редуцированному к дигитальному соотношению 0/1. Автор анализирует проблему различения между указанными антропологическими типами. Причины актуальности исследования данной дихотомии автор видит в продолжающейся в современном философском дискурсе о человеке антропологической катастрофе, понимание которой сформулировано Бодрийяром в отказе человеком от принадлежности к субъективности. По мнению автора, антропологическая катастрофа представляет собой замену аутентичного модуса виртуальности на объективированный числовой порядок реальности, исключая попытки говорить о субъективности как об основании антропологической реальности.

Рассматривается новый концепт дигитальной постонтологии, сводящий человека к алгоритмизируемому конструкту. Термин «дигитальная постонтология» указывает на преодоление онтики и логоса, сущего и смысла, взамен предоставляя виртуальную реальность числа, которая заменяет онтику на цифровой код, а логос на поток информации.

Антропология Ф. И. Гиренка рассматривается как концепт, постулирующий несводимость человека к интеллекту и исчисляющему мышлению, что также характерно и для оптики Ж. Бодрийяра, продолжающему философскую линию описания антропологической реальности как негации, отсутствия, конфликта противоположностей. Ж. Бодрийяр внёс свой вклад в постмодернистский дискурс признав технологическую революцию антропологической, после которой философия столкнулась с феноменом антропологической катастрофы, исчезновением человека, которого не было.

Эскапизм человека в сетевые электронные структуры подразумевает потерю не только онтологического, но и онтического планов бытия. На месте данных бытийных лакун образуется феномен дигитальной постонтологии, которая структурирует

мышление человека исчисляющим образом, преодолевая антропологические отсылки к чувственно-сверхчувственной реальности посредством её замены на алгоритмический код. Актуальность исследуемой темы фундирована в своевременном антропологическом ответе дигитальным вызовам доминирующего философского дискурса о путях развития человека в мире числовых соотношений.

1. Дигитальная постонтология и антропология воображения

Дескрипция антропологической реальности в мире числовых соотношений предполагает выделение ряда фундаментальных понятий, рассмотрение которых приближает исследователя к пониманию генезиса трансформации данной реальности в постантропологический дигитальный конструкт. Именно проблема дефиниции рассматриваемых феноменов является главной задачей первой главы.

Чем является антропологическая реальность сама по себе? Она является невозможной в любых эссенциалистских дискурсах, подразумевающих отсылку к тому, что есть, что в наличии. Антропологическая реальность не налична, она нарушает законы наличного мира, отсылает к тому реальному, которое нереально в объективированной структуре материалистичных концептов. Если исходить из данной дефиниции, то можно выделить одну из основных черт антропологической реальности: её конституирующую способность к воображению.

Воображение дано человеку как явление потустороннего, трансцендентного начала, которое реализует свои потенции в поле антропологических смыслов, возникающих из способности человека к самовоздействию, то есть такому состоянию духовной жизни, в котором аффектирующее начало берёт верх над стимулами внешней среды. Внутренний мир, соединяющий в себе эмоциональность и сверхчувственные образы, создаёт то поле энергийно-смыслового континуума, которым, по моему мнению, является антропологическая реальность, представленная способностью человека к воображению.

Противоположным к воображению (аутентичной виртуальности) является феномен дигитальной виртуальности, концептуальной основой которого предстаёт постонтология.

Постонтология — это дискурс дигитальности без логоса и онтики. Отсутствие логоса обусловлено отказом от антропологической

субъективности, что ставит знак равенства между ней и идеями постгуманизма. В свою очередь, элиминация онтического, сущего из дискурса постонтологии приводит её к термину «виртуальность», понятому исключительно в дигитальных коннотациях.

Феномен дигитальности формируется интеллектом, исчисляющим типом мышления, который относится к реальности с позиции булевой логики, наличия или отсутствия объектов, включённых в соотношение 0/1. Что говорит нам о реальности данное соотношение? То, что высказал Парменид в философской поэме «О природе»: «Бытие есть, а небытия нет» [14, с. 296]. Анализируя данный тезис с точки зрения самой структуры древнегреческого языка, который относится к кентумному индоевропейскому ареалу с достаточно развитой системой артиклей определённости/неопределённости, проснятся сама логика этого тезиса. То, что мы знаем, есть — определено, но то, что мы не можем помыслить в рациональных категориях, отсутствует — не определено. Корень «предел» подразумевает конечность, наличие. Таким образом, отсылая нас к тому есть, Парменид элиминирует беспредельное, потому что его невозможно помыслить. В этом движении к разделённому, дискретному восприятию реальности таятся основания дигитального дискурса, доминирующего в постгуманистических концептах новых онтологов.

Так как дигитальная виртуальность фундирована в логике 0/1, то она имеет предельную, ограниченную структуру, в рамках которой возможно её функционирование. То есть дигитальная виртуальность определённым образом задана: она алгоритмически воспроизводит те опции, которые удерживают её в границах заранее определённого алгоритма. Но, в таком случае, возникает вопрос, является ли дигитальная виртуальность виртуальностью в прямом значении этого латинского термина? Является ли дигитальная виртуальность воображением?

Воображение (аутентичная виртуальность) человека связано с историчностью и понятием временности, по М. Хайдеггеру. В работе «Понятие времени» М. Хайдеггер разбирает философские воззрения графа П. Й. фон Виртенбурга, которые проводят дистинкцию между окулярным (видимым, сущим) и историчным, и последнее связывается с понятием виртуальности: «Ясное прозрение в основную черту истории как «виртуальности» Йорк получает от познания бытийственного характера самой человече-

ской жизни, то есть именно не научно-теоретически — в соотношении с объектом историографического рассмотрения» [19, с. 20].

Если идти путём интерпретации П. Й. фон Йорка и М. Хайдеггера, определяя виртуальность из её связи с историчностью, временностью, бытием, которое не есть, но имеется, то, так или иначе, мы увидим онтологический разрыв между современным общеупотребительным понятием виртуальности «дигитального извода» и виртуальностью хайдеггерианской трактовки.

В данном исследовании, термин «виртуальность» будет использоваться в качестве противоположного по отношению к антропологической реальности воображения. Виртуальность выступает здесь без какого-либо антропологического содержания, представляя собой созданный алгоритмом числовой код. В потоках алгоритма есть неаутентичная виртуальность, но в ней отсутствует человек.

Альтернативным прочтением понятия виртуальности служит антропология воображения — это тот аутентичный модус виртуальности, в основании которого лежит воображение без числа, но с человеком в образе, в единстве человека и образа. Целостное *человековоображение*, где человек и образ сходятся в одной точке, стирающей границы между человеком и его воображением, находится, на мой взгляд, в антропологической реальности, виртуальный же человек структурируется в пространстве алгоритма, иными словами, человек воображающий — *homo imaginabundus* (лат. воображающий, живо представляющий себе) — живёт во временности, потому что любой процесс воображения предполагает движение мысли, её переход во времени, а человек виртуальный — *homo virtualis* (лат. возможный) — является виртуально-пространственным феноменом, он находится в структуре алгоритмизируемого кода, фиксирован в пространстве постонтологических конструкций.

Воображение — это не соображение, потому что воображать означает быть в единстве с образом, а не рядом, в пространстве дискретности, возникающем в дистинкции и процедуре различения, описанной в работе Спенсера-Брауна «Законы формы» [24, р. 200]. Соображение непосредственно связано с интеллектом, в то время как воображение связано с сознанием, сознание же и интеллект отличаются друг от друга тем, что сознание находится в реалиях времени, интеллект же фундирован в онтическом и

постонтическом планах. Кроме того, сознание, как скажет профессор Ф. И. Гиренок, «всегда связано с эмоциями и воображением» [6, с. 146].

Пространство — это иллюзия ума, а время — это аутентичная антропологическая реальность, в которой фундируются воображение и весь жизненный строй человека. Одним из первых это положение применительно к трансцендентальному субъекту концептуализировал И. Кант в своём фундаментальном труде «Критика чистого разума»: «Рассудочное понятие содержит в себе чистое синтетическое единство многообразного вообще. Время как формальное условие многообразного [содержания] внутреннего чувства, стало быть, связывания всех представлений, а priori содержит многообразное в чистом созерцании. При этом трансцендентальное временное определение однородно с *категорией* (которая составляет единство этого определения), поскольку оно имеет *общий* характер и опирается на априорное правило. С другой же стороны, трансцендентальное временное определение однородно с *явлением*, поскольку время содержится во всяком эмпирическом представлении о многообразном. Поэтому применение категорий к явлениям становится возможным при посредстве трансцендентального временного определения, которое как схема рассудочных понятий опосредствует подведение явлений под категории» [11, с. 182]. По И. Канту, схематизмы времени упорядочивают реальность трансцендентального субъекта, они создают целостные образы, синтезируя априорные формы с явлениями. Удивительно точно данный феномен упорядочивания передаёт русское слово образ, несущее в своём корне этимологию слов ряд, порядок. Образ, в этом случае, выступает неким основанием сознания, которое из хаоса создаёт порядок. Важно отметить, что образность (лат. *simbolus*), по своему воздействию на человека, и выполняет задачу сознания, объединяя аффектацию с целями и ценностями.

Продолжая мысль Канта о конституирующем для антропологической реальности характере времени, автору представляется важным сопоставление отношения к реальности со стороны *homo imaginabundus* и *homo virtualis*. Если первый, фактически пребывая во времени, творит реальность через живое, эмоционально окрашенное воображение, а инструментом данного творения выступает феномен временности, синтезирующий априорные формы категорий с явлениями эмпирического поля, то второй

тип антропоса движется в направлении отрицания собственной способности к синтезу, к воображению через пути дигитальных кодов и развития интеллекта, рассогласованного с другими способностями человека, с его чувственно-сверхчувственным миром. Человек, ориентируясь на исчисляющее мышление, в некотором роде формирует депривацию своего воображения, испытывая духовный голод по отношению к духовным, необъективируемым реалиям антропологии воображения.

Выходом из данного деградированного положения сознания, на мой взгляд, служит переоткрытие форм мышления, не связанных с интеллектом, но предлагающих новый взгляд на духовность человека, на то, что уже практически элиминировано из пост-антропологических дискурсов. Прогресс в сфере интеллекта лишь отдалил человека от его исключительной способности к воображению, а это означает, что необходим ренессанс подходов и взглядов, способных вернуть состояние целостности и субъективности в антропологические концепты будущего.

2. Антропология Ф. И. Гиренка и дигитальный Другой

В статье «Вещь не в себе» профессор Ф. И. Гиренок выводит ряд положений, которые переворачивают мейнстримные представления о виртуальности и показывают ту самую «изнанку мира», видение которой и определяет, по Гегелю, наличие философского мышления.

Человек, по Гиренку, является куклой, которую страсти тянут за нити, поэтому человек стал человеком, играя с самим собой. Но как стал возможен сам феномен игры с самим собой? Через раздвоение человека на душу и тело, через выпадение его из логики природы. Это выпадение стало основанием становления антропологической реальности, по Ф. И. Гиренку. Событие, произошедшее с человеком в момент его выпадения из потоков и кодов природы, Ф. И. Гиренок называет взрывом галлюцинаций, появлением другого. «Человек существует всегда как два человека, как результат обмена между ними своими идеями. И оба они не всегда в нас. Один из них может убежать от нас. И тогда он становится нашим двойником, нашим другим. А мы становимся одноголовыми или, что то же самое, одномерными» [5].

Человек целостен пока он может удерживать в себе свою галлюцинацию, пока она при нём, пока он и его мир находятся

в единстве. Как только другой оказывается не в себе, происходят фундаментальные изменения в антропологической реальности, она уплощается без самовоздействия. Происходит замена самовоздействия на воздействие извне, то есть человек обменивает свою самость на игры с другим, с социумом, с культурой. Отсюда и происходит разделение культа и культуры, при котором культ, по Ф. И. Гиренку, открывает мистериальное поле самоаффектации, а культура избавляет человека от него, предоставляя взамен алгоритм и одномерное существование.

Человек имеет в себе что-то, что не поддается природным алгоритмам и законам. Конечно, эта идея коррелирует с разделением Дильтеем наук на науки о природе и духе, но, в то же время, мысль о раздвоенности человека в контексте рассматриваемой статьи несёт в себе выводы, которые описывают современную ситуацию преодоления человека через дигитальные инструменты управления мышлением.

Одним из обозначенных инструментов является игра PokémonGo, вышедшая в широкое пользование в 2016 году. Ф. И. Гиренок подчёркивает, что сам процесс ловли покемонов, перенесённый с пространства экрана на пространство городов, создаёт такой вид симуляции, который ведёт к избавлению от трансцендентальных видимостей, то есть от воображения. В такой ситуации закрепляется определённая модель мышления, обладание которой, в свою очередь, лишает обладания своей самостью. Идя вслед за покемоном, человек удаляется от своей субъективности, внося радикальные коррективы в соотношение тела/души, сужая или даже элиминируя последнюю.

Почему покемоны побеждают самоаффектацию? Потому что самоаффектация приносит страдание, чем её в человеке больше, тем больше страдания, так как самоаффектация и есть сознание, то есть страдание. Сознание дарует человеку чувство времени, и отнимает чувство спокойствия, согласованности и позитивности по отношению к самому себе и внешнему воздействию. Сознание вырывает человека из пут повседневности, а покемоны уводят его в *das Map*, применяя термин М. Хайдеггера.

Внешним воздействиям алгоритма нужны покемоны, внутреннему самовоздействию нужно сознание. Там, где есть покемон, нет сознания, где есть сознание, нет внешнего и покемонов, в том числе.

Таким образом, концепт виртуальности у Ф. И. Гиренка несёт в себе её чёткую дефиницию: виртуальная реальность представ-

ляет собой алгоритм и симулякр, направленные на редукцию антропологического поля к выравниванию и сглаживанию аффективных «шероховатостей» в человеке посредством преодоления раздвоенности в нём самом, создания одномерного постгуманистического конструкта, который движется по направлению торжества интеллекта в ущерб аффекту, выводящего его из одностороннего рационального отношения к себе.

Вернуть себя себе, по Ф. И. Гиренку, означает стать причиной собственной реальности, не бояться ошибок, ибо чувства, в отличие от интеллекта, не ошибаются.

Развивая эти положения, профессор Ф. И. Гиренок создаёт концепт *галлюценоза*, выделяющий параллельную линию по отношению к биоценозу. Данная линия предлагает рассмотреть антропологическую реальность как сферу не связанную с развитием тел для эволюции, а связанную с телами для грёз.

Числовая объективация фундируется в объектах, на поверку оказывающихся иллюзорными. Например, общество. Оно пропитано дигитальными процессами множественных различий и переходов, имеющих в своей основе симулякр. «Реального как системы координат больше нет, — пишет Бодрийяр, — оно живет жизнью модели. Но тем самым гиперреальность устраняет и социальное» [1, с. 93—94]. Симулякр позволяет числу формировать реальность без субъекта, так как объективная плоскость выхолащивает качественные различия.

В работе «Свобода и судьба» Ф. И. Гиренок пишет: «Судьба как новый числовой порядок отделяет человек от сознания. Что значит отделить человека от сознания? Это значит поместить его в общество, которое состоит из набора алгоритмов. Лишить внутреннего...Человек либо послушен алгоритму, и тогда следует награда, либо он не исполняет судьбу, и тогда следует наказание» [7, с. 10—11]. Анализируя феномен социального кредита в Китае, Ф. И. Гиренок приходит к выводу, что пандемия 2020 г. фактически устранила прежние формы общественно-экономического устройства, заменив спекуляцию Запада на числовой порядок Китая.

Что собой представляет новый числовой порядок, по мнению профессора Ф. И. Гиренка? «Внешняя жизнь — для роботов, внутренняя жизнь — для человека» [7, с. 18]. Человек, наконец-то, может реализоваться как асоциальное существо, наполнить свою жизнь внутренними смыслами, избавившись от давления социума. Роботы —

это фактор эмансипации субъективности, но лишь в том случае, если роботы существуют как фактор, а не как объект, равный другому объекту (человеку в объектно-ориентированном онтологическом дискурсе).

А. П. Кулешов полагает, что «искусственный интеллект создаёт ситуацию, когда мир сегодня в состоянии прокормить всё человечество, но он не в состоянии его занять... Ощущение того, что тебе постоянно присылают фастфуд и дают кроссовки раз в полгода, но при этом ты ни для чего не нужен, на самом деле ужасное» [13]. Конечно, выпадение многих людей из привычного течения додигитальной реальности вызовет рост депрессий и экзистенциальных кризисов, но, возможно, указанное высвобождение времени человека в европейской социальной системе показывает пустоты сознания, которые в эпохи модерна и постмодерна прикрывались поверхностным смыслом [8].

В случае с альтернативным сценарием развития отношений человека с цифровой реальностью, возможна актуализация субъективности через предоставление человеку экзистенциальных проектов, практик себя, по М. Фуко [22]. Для реализации этого освободительного сценария необходима актуализация субъективности, но сейчас происходит её кризис после становления нового онтологического сетевого проекта в философии. «Мир без субъективности — это пустой мир тел и сил, в котором некому возвращаться к себе... Мир тел очаровывает вечным повторением одного и того же космического порядка. Вернуться в него — значит потерять время. Физический мир — это мир, потерявший время» [22, с. 42].

Мир без времени противоположен субъективности без субъекта. «Если субъект без субъективности ведёт нас от человека к алгоритму, то субъективность без субъекта нуждается в «системе социального контроля». Субъективность пережила смерть знающего себя субъекта, потому что субъективность — условие субъекта, а не его содержание» [22, с. 42]. Сингулярная философия изучает не субъекта, не человека, а субъективность и сингулярное событие — точку, где мир не может отличить себя от галлюцинации. Невозможно привести это изучение к числовому выражению, так как субъективные аффективные токи невыразимы *a priori*. Они возвращают к ситуации неразличности, в которой пребывает сознание тождества — вид сознания, не представленный в интеллекте, в том числе, в искусственном интеллекте.

Р. Генон, французский философ-традиционалист, предугадывая положения кван-

товой теории о влиянии наблюдателя на Вселенную, писал: «...истина состоит в том, что материалистическая концепция... может только лишь содействовать этому «отверждению» мира, <...> так как общие реакции самой космической среды действительно менялись согласно установке, принятой человеком по отношению к ней» [3, с. 121]. Из этой мысли следует важный вывод: человек находится в едином поле сознания, но есть разные энергоуровни сознания. Большая пассионарность присуща центру — точки взрыва галлюцинаций, меньшая — периферии. На периферийных уровнях ощущается «отверждение» сознания. На самом деле, это не «отверждение» и не материализм, а лишь недостаточность энергии и смыслов, рекурсивно создаваемых друг другом. Для сознания, движимого от своего пика в точке взрыва и до периферии, нет разрывов и дискретных тел. Оно едино, а все процессы носят нелокальный характер. Попытка описать числом то, что не является дискретным телом, приводит к ситуации пата, потому что нельзя измерить субъективное, лежащее в основе сознания. Все попытки объективировать это субъективное, вынести его наружу, чтобы подвергнуть процедуре расчёта, исходят из неверного тезиса о материи как первичной основе всего мироздания. Субъективное лишь условно трактуют как внутреннее, на самом деле, субъективного в мире нет, но оно дано человеку. Изъятие субъективного означает для человека потерю смыслов, а вместе с ними и потерю энергии. Человек становится объектом после этого изъятия, или Латоном, в терминологии М. Хайдеггера. Связь с бытием, с ничто обрывается, энергия распыляется оскудением мышления, мысли становятся бесстрастными, объективными, прозрачными.

Примером объективации человека является теория медийного расширения человека М. Маклюэна. В её основе лежит тезис о том, что «тип общества в значительной мере определяется доминирующим в этом обществе типом коммуникации, а человеческое восприятие — скоростью передачи транслируемой информации» [15, с. 13]. Коммуникация определяет тип общества, по М. Маклюэну. Но как эта внешняя структура медиа может определить смыслы, которые лежат в архетипических основаниях коллективного бессознательного всех человеческих обществ, по К. Юнгу [21], или в коллективной галлюцинации, по Ф. И. Гиренку? Ответ кроется в фундаментальном положении новых материалистов и онтологов: есть лишь тела и силы [9], мир — это

материальная плоскость, а в случае с XXI в., дигитальная плоскость.

М. Хайдеггер обозначает *Machenschaft* (нем. махинация) как стремление к эффективности, скорости и производительности в рамках плоскости. *Machenschaft* — форма крайнего нигилизма, суть которого находится в тотальном опредмечивании и распоряжении всем сущим. В «Чёрных тетрадах» М. Хайдеггер пишет: «Махинация повсюду овладела уже всеми возможностями сущего и закрепила их своими трактовками, так что человек, несмотря на все тяготы и потрясения, уже больше не в состоянии пробиться в важные области нужды, возникшей из Бытия» [20, с. 136]. Махинация, капитализм и нигилизм — три всадника дигитального Апокалипсиса. Необходимо отметить, что дигитальное преодолевает их в новом числовом порядке, который сменяет привычные рыночные отношения посткапиталистическими социальными кредитами, оценивающими не только результаты умственной или физической деятельности, но и мысли. Дигитальное атакует мыслительный процесс, так как его контролю неподвластным остаётся сфера субъективного в человеке. Прозрачность Паноптикума требует от человека отказа от второго плана мышления, от субъективности. Это значит, что, используя *Machenschaft*, он утверждает рационализм как первую ступень перехода к цифровой реальности.

Плоское делание снимает с онтической повестки мышление и в качестве замены ему предлагает сфокусироваться на бессмысленном расчёте как основании человеческой экзистенции. Кризис капитализма — это кризис числового порядка, который шёл по пути тотальной рационализации жизни, но пришёл к экзистенциальному пату. Чтобы выбраться из этой ситуации, не подвергнув деструкции саму числовую парадигму развития человеческой цивилизации, дигитальная онтология предлагает дойти до логического конца этого движения — аннигилировать антропологическое в бессмысленной прозрачности Паноптикума И. Бентама [18].

3. Ж. Бодрийяр и антропологическая катастрофа

Ж. Бодрийяр — один из немногих западных философов, ставивших проблему субъективности в её соотношении с господством исчисляющего мышления в дискурсах и практиках потребительского, «информационного», но бессмысленного общества.

Ж. Бодрийяр определил постмодернистский дискурс терминами симулякра и гиперреальности. Симулякр — это означающее, не отсылающее более к означаемому, а гиперреальность — это царство симулякров, то есть такой виртуальный модус реальности, который формирует человека в матрице диктата означающих, за которыми ничего не стоит. Можно выразить этот феномен дихотомией информация/смысл, в которой информация соответствует коммуникативному действию в рамках внешней среды, а смысл находит себя в поле человеческой субъективности, он монологичен и неповторим. Смыслу не нужен язык как средство коммуникации, он живёт в дословном, которое оперирует не знаками, а символическим. То есть смысл выражает себя через символ, образ, а коммуникация через знак и язык. Если антропологическая реальность трансформируется в матрицу знака без означаемого (то есть без ментального понятия, иными словами, без чувства реальности), то она превращается в бесчувственный алгоритм. Тут и наступает эффект гиперреальности. Гиперреальность — это реальность без чувства реальности, она более не отсылает к человеку как источнику реальности, она в своём предельном стремлении конституирует Другого, ситуацию появления которого описал Ф. И. Гиренок в статье «Вещь не в себе» [5]. Гиперреальность — это диктатура числа, ситуация антропологической катастрофы, при которой человек отпустил одну часть своей фундаментальной раздвоенности, галлюцинаторную часть, и она оторвавшись от своего мистериального истока стала Другим — социальным кодом, алгоритмом дигитального порядка реальности без субъективности.

В работе «Почему всё ещё не исчезло?» Ж. Бодрийяр, чтобы подойти к мысли о симулякре и гиперреальности предлагает проделать экскурс в историю появления понятия реальности. Понятие реальности, по Бодрийяру, возникает не так давно по историческим меркам: в начале Нового времени или, иначе, эпохи Модерна. Тогда учёные, желая найти точку Архимеда, изобретают телескопы, средства наблюдения, которые создают иллюзию отделённости мира от человека. Появляется «внешняя» объективная реальность, которая уже в весьма существенной мере иллюзорна, потому что пытается мыслить мир самим по себе, без человека. «...человек, анализируя и изменяя мир, отпускает его, — одновременно давая ему силу реальности. Таким образом, можно сказать, что — как ни парадоксально —

реальный мир начинает исчезать, в тот же момент когда он начинает существовать» [2]. Фактически, в этот момент начинается движение всего господствующего научного дискурса к катастрофе особого рода. К катастрофе, в ходе которой не уничтожается в полной мере что-то наличное, но со сцены истории уходит антропологическая реальность, безвозвратно элиминируется то, чего никогда и не было — субъективность.

Ж. Бодрийяр высказывает гегельянскую мысль о роковой ограниченности именования предметов мира, которые не являясь такими, какими их именуют, стараясь зафиксировать постоянное движение духа, остановить мгновение, что не свойственно самим фундаментальным принципам изменяющейся реальности. Проименованный предмет теряет свою энергию, а стремление к познанию, к анализу растворяет мир. «Когда предмет назван, когда он уже схвачен своим изображением и понятием, он начинает терять свою энергию — право быть истиной или выступать в качестве идеологии» [2]. Ж. Бодрийяр оформил постмодернистский дискурс тем, что фактически вынес вердикт всему движению мысли эпохи Модерна: Модерн убил человека и его реальность, отделив эти два понятия друг от друга через внедрение дискретности, анализа, создания непреодолимой границы между внешним и внутренним. Дискурс Модерна завершился концом «прометеевского проекта господства над Вселенной, исчерпывающего знания» [2]. Модерн привёл антропологическую реальность к состоянию бессмысленной гиперреальности, которая, в своих характерных чертах, и есть «исчерпывающее знание». Сам предикат знания — термин «исчерпывающее» — иронично даёт нам этимологические ключи к пониманию капитальных характеристик знания, редуцированного к интеллекту. Оно что-то исчерпывает. Но что?

Возникает интуиция о разрушительной деятельности языка, потому что он выступает в качестве орудия дискретности против единой субъективной энергийно-смысловой реальности в пользу объективной. Он, в некотором роде, трансформирует энергию субъективного поля в алгоритм как идеальное своё проявление, конечную цель движения по пути дискретного, исчисляющего мышления. Деля мир, создавая знаки, состоящие, по Ф. де Соссюру, из означающего (объективированной формы знака) и означаемого (ментальной формы, понятия), язык создаёт нечто подобное хабу, каналу, по которому перегоняет энергию означае-

мого в состав означающего, «исчерпывает» эту энергию. Означающее, утилизируя данные энергийно-смысловые потоки субъективного поля, воплощается в алгоритме, чистой функции, не имеющей выхода к антропологической реальности (аутентичной виртуальности, воображению). Господство алгоритма — это и есть гиперреальность, а симулякры — это знаки-паразиты, истощившие поле субъективности.

Бодрийяр пишет о взаимной аннигиляции пары «концепт-реальность». «Реальность исчезает в своем концепте. Но что еще более парадоксально, так это совершенно противоположное движение, когда концепт, идея (а также и фантазия, утопия, мечта, желание) также исчезают посредством своей реализации» [2]. Как передаются концепты в современном «информационном» обществе? Они передаются через СМИ, главным образом через цифровые медиа. Любое сообщение о реальности уничтожает реальность. Как известно, Ж. Бодрийяр не признал военную кампанию в Персидском заливе по причине массированного упоминания данной инфотемы в СМИ. Иными словами, если о чём-то много говорят, то этого нет, потому что реальность дословна и истинна, а нереальное коммуникативно, основанием же коммуникации является ложь.

Ж. Бодрийяр исследует современного человека, редуцировавшего себя к мозгу, который вместе с виртуальной реальностью формирует новый объект философского рассмотрения — искусственный интеллект. Последний характеризуется монопольным утверждением своей воли через логику 0/1, в которой отсутствует конфликт, напряжение и, тем более, любой намёк на негативность, отказ от позитивного согласия с собой, который до эпохи искусственного интеллекта считался показателем процесса духовного развития, восхождения от одного уровня образа реальности к другому, более насыщенному энергийно-смысловым содержанием. Конечно, такое движение обусловлено конфликтом и гегельянской негативностью [12]. Элиминируя эти факторы духовного развития, человек не отличает себя от позитивной действительности, от сущего, которое, в итоге этого движения к позитивности, потребляет, по моему мнению, его энергию. Эта операция потребления является тем же самым, что и пример с «исчерпывающим знанием», или именованьем, приносящим реальность в жертву означающему.

Будучи профессиональным фотографом, Ж. Бодрийяр приводит пример с фотографией,

которая, переходя от аналоговой формы к цифровой, показывает сам принцип элиминации негативности, забвения антропологической реальности. «Фотография и Цифра служат микромоделлю для более общего анализа. Эта гегемония постоянно поглощает все негативное в делах человеческих, осуществляет редукцию до самой простой формулы — унитарной и безальтернативной; эти 0/1 — чистая разница потенциалов, цель которой — цифровым образом снять все конфликты» [2].

На смену пустоте и дистанции в аналоговом изображении приходит цифровая копия экрана, которая лежит в плоскости экрана. Оно лишено негативности, а значит в нём нет реальности мига, ведь миг не существует, мгновение существования — это то, чего нет, оно постоянно ускользает, оставляя за собой след следа, как писал Ж. Деррида [10]. «В мире цифр, или — шире — в мире компьютерной графики, нет больше негатива, нет больше «противоположности». Там ничто не умирает, не исчезает» [2].

Ж. Бодрийяр — один из последних философов-постмодернистов, который наделял человека негативностью и пустотой. Он говорил о субъективности, которая не отсылает нас к мозгу, глобальному компьютеру или искусственному интеллекту. Человек — это то, чего нет в мире сущего, что даёт о себе знать в процессе негации. Человек не может быть сведён к алгоритму, к цифровой реальности, потому что он есть несчитываемый носитель отрицания, он всегда был головной болью мира, так как уклонялся от последовательности алгоритма. Ошибки и уклонения, а не стремление вписать себя в порядок объективной реальности и войти в согласие с интеллектом — вот то обстоятельство, которое позволило Ж. Бодрийяру закончить свою статью словами: «Таким образом, если собственная двойственность покинет человека, тогда роли поменяются: это машина, которая барахлит, которая становится извращенной, дьявольской, чревоушачивает. Двойственность весело переходит на другую сторону. Если субъективная ирония исчезает — она исчезает в игре цифр — тогда ирония становится объективной. Или становится тишиной. В начале было Слово. Но только после того как была Тишина. Сам Конец исчез...» [2]

Описанный выше подход Ж. Бодрийяра к проблеме элиминации человека из реальности и замены его цифровым кодом характеризует ситуацию антропологической катастрофы. В чём её значение для антропологической реальности? Последняя исчеза-

ет тем быстрее, чем тотальнее становится исчисляющее мышление в виде сведения всего человека к мозгу, нейронным связям, искусственному интеллекту, который может быть подключён к гипермозгу как совокупности всех мозгов. Но данная совокупность не описывает антропологическую реальность, выражаемую через феномены отрицания, пустоты, дистанции, противопоставления наличному. Поэтому апелляция Ж. Бодрийяра к понятию субъективности парадоксальным образом подчёркивает изначальное состояние человека как не пребывающего в мире означающих, но представляющего иной мир, исключительный мир антропологической реальности, которая, в то же время, растворяется в потоках дигитального отношения к ней. Этот феномен растворения субъективности в мире числовых соотношений Ж. Бодрийяр назвал антропологической катастрофой.

Ж. Бодрийяр констатирует её безоценочно как свершившийся факт: человек ушёл из реальности незаметно, ведь то, кем он является, не имеет к реальности никакого отношения.

Таким образом, сопоставляя антропологическую реальность и реальность числа и означающих, можно сделать вывод о том, что две эти реальности не предполагают длительного взаимодействия друг с другом. Но отличие этих реальностей друг от друга состоит в том, что вторая выводится из первой, она становится деградированной формой всплеска субъективности после выравнивания этого всплеска в плоскости дигитальной формы. Перевод человека в дигитальный режим существования, на мой взгляд, обусловлен деконцентрацией субъективности и её растечением по поверхности цифрового потока.

Заключение

В интервью журналу L'Express на вопрос корреспондентов о кибернетике М. Хайдеггер ответил: «Осторожнее с кибернетикой. Вскоре поймут, что это не так просто» [23, р. 85]. Хайдеггер герменевтически подошёл к вопросу дигитальных инструментов управления и контроля. Понимание кибернетики как диктатуры числа в постсоветскую эпоху создаёт особую оптику, предполагающую констатацию кризиса антропологической реальности. Дигитальная реальность, предлагающая тотальный контроль, покусается на свободу как экзистенциал.

В этом покушении медиумом выступает фигура коммуниканта, через которого про-

ходит поток измерений, но эти потоки проходят потому, что коммуникант произвёл обмен субъективности на объективацию промеров. Человек в мире числовых соотношений не только измеряет других, но и незаметно для себя самого становится объектом измерения. Так проходит плавное вхождение в объективацию как измерение, лишённое смыслов субъективности. Человек не несёт в себе ничего внутреннего, он становится проводником цифрового радио. В. В. Савчук пишет: «...коммуниканты не говорят на языке сущности, <...> они есть своего рода имплантаты медиа; интенции их исходят из внеличностного, а потому абсолютно чистого сознания, сознания медиасубъекта» [17, с. 299]. Спорным представляется тезис о «чистом сознании медиасубъекта», так как сознание исключает другого в лице медиа. Сознание — это темпоральное внутреннее течение субъективности, а попытки определить его через внешние измерения медиа заключают это нелокализуемый в пространстве феномен в фреймы пространственного наличного дискурса. Иными словами, осуществляется перевод сознания в сферу онтического, что автоматически исключает онтологический план бытия.

Н. Н. Ростова, в отличие от вышеописанной онтической позиции определяет человека через его присутствие в онтологическом плане бытия: «...человек не находится в ряду сущего, он — невозможное в этом мире, но не в том смысле, что его нет, а в том, что он имеет онтологически иной способ присутствия...» [16]. Невозможность человека показывает на постоянное ускользание от предметной дефиниции, в этом кроется ответ на вопрос от дигитальной онтологии: «Можно сделать человека исчислимым?» Наталья Николаевна отвечает на этот вопрос отрицательно: «Экзистировать можно к другому, трансцендировать — к Богу, трансгрессировать — в ничто. Логика этих трансгрессий не предметная, но, напротив, антипредметная...» [16].

Человек исчисляет других через признание исчислимости себя самого. Объективация человека связана с его алгоритмическим остужением: «Каким образом трансгуманизм нас охлаждает? Эмоционально изолируя. Упраздняя всякую возможность установления эмоциональных связей в нашем мире. Учреждая зону безразличия и отчуждения — прежде всего от самих себя» [16].

Огненные души отзываются на зов Логоса Гераклита, холодные же не следуют ему. Всё обозначенное следует логике (или Логосу) природы огня как потенциалу, даю-

щему энергию и смысл в страсти. Рождение пассионарности и её затухание детерминированы диалектической когерентностью. «Угасание» огня в начале космического цикла (своего рода кенозис) приводит к его воплощению в чувственно-осязаемое тело расчлененного космоса, состоящего из четырех элементов» [4, с. 150]. По аналогии с данной цитатой, движение мысли идёт от взрыва галлюцинаций (рождение человеческого сознания) до его дисперсии, затухания в бесконечности алгоритмов числовой реальности.

Отчуждаясь от самого себя в мире числовых соотношений, человек вступает на делезианские территории, рекурсивно детерриторизуясь с них на новые дигитальные плоскости.

Пойдя за делезианским концептом детерриторизации, философия зашла в тупик, превратившись в дигитальную постонологию, то есть детерриторизовавшись. Мышление потеряло чувствование, оказавшись в ситуации цифрового пата.

1. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Ж. Бодрийяр. — Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2000. — 96 с.

2. Бодрийяр, Ж. Почему всё ещё не исчезло? / Ж. Бодрийяр. — URL: <https://econet.by/articles/zhan-bodriyyar-pochemu-vse-eschene-ischezlo> (дата обращения: 30.08.2022).

3. Генон, Р. Царство количества и знамения времени / Р. Генон ; пер. с фр. — М. : Беловодье, 1994. — 304 с.

4. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в русс. пер.: крат. изд. / подгот. С. Н. Муравьев. — М. : «Ад Маргинем Пресс», 2012. — 416 с.

5. Гиренок, Ф. И. Вещь не в себе / Ф. И. Гиренок. — URL: https://zavtra.ru/blogs/vesh_ne_v_sebe (дата обращения: 26.08.2022).

6. Гиренок, Ф. И. Клиповое сознание / Ф.И. Гиренок. — М. : Проспект, 2021. — 256 с.

7. Гиренок, Ф. И. Свобода и судьба. Что мы поняли благодаря пандемии? / Ф.И. Гиренок. — М. : Проспект, 2021. — 80 с.

8. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. — М. : «Раритет», Екатеринбург : «Деловая книга», 1998. — 480 с.

9. Делёз, Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Ж. Делёз / Общая редакция и послесл. В.А. Подороги. М. : Логос, 1997. 264 с.

10. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида / Пер. с фр. и вст. ст. Наталии

Автономовой. — М. : Ad Marginem, 2000. — 520 с.

11. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант / Пер. с нем. Н. Лосского. — М. : Мысль, 1994. — 591 с.

12. Кожев, А. В. Введение в чтение Гегеля / А. В. Кожев. — СПб. : Наука, 2013. — 792 с.

13. Кулешов, А. П. Искусственный интеллект приведёт к сознательной архаизации жизни / А. П. Кулешов. — URL: <https://ria.ru/20161127/1482248032.html> (дата обращения: 03.10.2021).

14. Лебедев, А. В. Фрагменты из произведений ранних греческих философов. Ч. 1 / А. В. Лебедев. — М. : Наука, 1989. — 576 с.

15. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга / М. Маклюэн. — М. : Академический проект, 2005. — 443 с.

16. Ростова, Н. Трансгуманизм: дорога в рай нечеловеческого / Н. Ростова. — URL: https://zavtra.ru/blogs/transgumanizm_doroga_v_raj_nechelovecheskogo (дата обращения: 05.10.2021).

17. Савчук, В. В. Коммуникант / В. В. Савчук / Медиареальность: концепты и культурные практики: учебное пособие / гл. ред. В. В. Савчук. — СПб. : Фонд развития конфликтологии, 2017. — 299 с.

18. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. — М. : Ad Marginem, 1999. — 480 с.

19. Хайдеггер, М. Понятие времени / М. Хайдеггер. Пер. с нем. А.П. Шурбелева; под ред. В.В. Дементьевой. — СПб. : Владимир Даль, 2020. — 200 с.

20. Хайдеггер, М. Размышления XII — XV (Чёрные тетради 1939-1941) / М. Хайдеггер / пер. с нем. А. Григорьева; под науч. ред. М. Маяцкого. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. — 345 с.

21. Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг. — М. : АСТ, 2020. — 220 с.

22. Foucault, M. L'écriture de soi // Corps écrit. — 1983. — № 5. — P. 3-23.

23. Jean-Michel Palmier and Frederick de Towarnicki, "Entretien avec Heidegger," L'Express, — Paris, 954 (October 20-26, 1969). — Pp. 78-85.

24. Spenser-Brown, G. Laws of Form / G. Spenser-Brown. — London : Allen and Unwin, 1969. — 200 p.

References

Bodrijjar Zh. (2000) V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konec social'nogo [In the

shadow of the silent majority, or the end of the social]. *Ekaterinburg*, 350 p. [In Rus].

2. Bodrijjar Zh. (2016) Pochemu vsjo eshhjo ne ischezlo? Available at: <https://econet.by/articles/zhan-bodriyyar-pochemu-vse-eschene-ischezlo> (accessed 30.08.2022) [In Rus].

3. Genon R. (1994) Carstvo kolichestva i znamenija vremeni [The kingdom of quantity and the signs of time]. Per. s fr. Moscow, Belovod'e, 304 p. [In Rus].

4. Geraklit Jefesskij. (2012) Vse nasledie: na jazykah originala i v russ [The whole heritage: in the original languages and in Russian]. per. krat. izd. / podgot. S. N. Murav'jov. Moscow, «Ad Marginem Press», 416 p. [In Rus].

5. Girenok F.I. (2016) Veshh' ne v sebe, available at: https://zavtra.ru/blogs/veshh_ne_v_sebe (accessed 26.08.2022) [In Rus].

6. Girenok F. I. (2021) Klipovoe soznanie [Clip consciousness]. Moscow, Prospekt, 256 p. [In Rus].

7. Girenok F. I. (2021) Svoboda i sud'ba. Chto my ponjali blagodarja pandemii? Monografija [Freedom and destiny. What have we learned from the pandemic?]. Moscow, Prospekt, 80 p. [In Rus].

8. Deljoz Zh. (1998) Logika smysla [Logic of sense]. Moscow, «Raritet», Ekaterinburg, «Delovaja kniga», 480 p. [In Rus].

9. Deljoz Zh. (1997) Skladka. Lejbnic i barokko [The fold. Leibniz and the Baroque] / Obshhaja redakcija i poslesl. V.A. Podorogi. Per. s franc. B.M. Skuratova. Moscow, «Logos», 264 p. [In Rus].

10. Derrida Zh. (2000) O grammatologii [About grammarology] / Per. s fr. i vst. st. Natalii Avtonomovoj. Moscow, Ad Marginem, 520 p. [In Rus].

11. Kant I. (1994) Kritika chistogo razuma [Critique of pure reason] / Per. s nem. N. Losskogo. Moscow, Mysl', 591 p. [In Rus].

12. Kozhev A. V. (2013) Vvedenie v chtenie Gegelja [Introduction to reading Hegel]. Saint Petersburg, Nauka, 792 p. [In Rus].

13. Kuleshov A. P. (2016) Iskustvennyj intellekt privedjot k soznatel'noj arhaizacii zhizni, available at: <https://ria.ru/20161127/1482248032.html> (accessed 03.10.2021) [In Rus].

14. Lebedev A.V. (1989) Fragmenty iz proizvedenij rannih grecheskih filosofov [Fragments from the works of early Greek philosophers. Part 1]. Ch.1. Moscow, Nauka, 576 p. [In Rus].

15. Makljujen M. (2005) Galaktika Gutenberga [Gutenberg Galaxy]. Moscow, Akademicheskij proekt, 443 p. [In Rus].

16. Rostova N. (2021) Transgumanizm: doroga v raj nechelovecheskogo, available

at: https://zavtra.ru/blogs/transgumanizm_doroga_v_raj_nechelovecheskogo (accessed 05.10.2021) [In Rus].

17. Savchuk V. V. (2017) *Kommunikant//Mediareal'nost': koncepty i kul'turnye praktiki* [Communicant//Mediareality: concepts and cultural practices]. Saint Petersburg, Fond razvitija konfliktologii, 299 p. [In Rus].

18. Fuko M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my* [To supervise and punish. The birth of a prison]. Per. s fr. V. Naumova pod red. I. Borisovoj. Moscow, Ad Marginem, 480 p. [In Rus].

19. Hajdegger M. (2020) *Ponjatie vremeni* [The concept of time]. Per. s nem. A.P. Shurbeleva; pod red. V.V. Dement'evoj. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 200 p. [In Rus].

20. Hajdegger M. (2018) *Razмышlenija XII — XV (Chjornye tetradi 1939—1941)* [Reflections XII — XV (Black Notebooks 1939—1941)]/ Per. s nem. A. Grigor'eva; pod nauch. red. M. Majackogo. Moscow, Izd-vo In-ta Gajdara, 345 p. [In Rus].

21. Jung K. G. (2020) *Arhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the collective unconscious]. Moscow, AST, 220 p. [In Rus].

22. Foucault M. (1983) *L'écriture de soi. Corps écrit*, no. 5, pp. 3-23 [In Fr].

23. Palmier J.-M., de Towarnicki F. (1969) "Entretien avec Heidegger," Paris, L'Express, 954 (October 20-26), pp.78-85 [In Fr].

24. Spenser-Brown G. (1969) *Laws of Form* / G. Spenser-Brown. London, Allen and Unwin, 200 p. [In Eng].

Статья поступила в редакцию 05.12.2022

For citing: Davydov I.A. Deanthropological aspects of inauthentic virtuality / I.A. Davydov // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 1 (95). — P. 26—38. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-26-38. — EDN VCLVTB.

UDC 128

EDN VCLVTB

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-26-38

DEANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF INAUTHENTIC VIRTUALITY

Igor A. Davydov,

Lomonosov Moscow State University,
Postgraduate student of the Department
of Philosophical Anthropology
Faculty of Philosophy.
Moscow, Russia.
E-mail: galindas@yandex.ru

Abstract

Introduction. The influence of virtual reality on the processes of deanthropologization becomes an obvious fact of the development of numerical relations that determine philosophical concepts in the direction of posthumanistic discourse. In this type of discourse, a person is reduced to a numerical operation, an intermediate procedural link in the network structure of a numerical relationship with other objects of the digital network.

The purpose of the article is to identify the relationship between virtuality and imagination, the distinction between a virtual person and a vividly imagining one.

Methods. The author uses the methods of deconstruction, which identify new

philosophical meanings of established understandings of virtuality and related anthropological types, and the phenomenological method of studying the issues of virtuality and anthropological reality, forming new perspectives for studying the phenomenon of virtuality through an appeal to the constitutive role of consciousness.

Scientific novelty of the research. The scientific novelty of the study is represented by the discovery of a new anthropological distinction between homo imaginabundus and homo virtualis, implying ontological differences of these types in their appeal to the subjective and objective constitutive role of consciousness.

Results. If the anthropological type homo imaginabundus is vividly imaginative and is associated with the phenomena of authentic virtuality and subjectivity, then homo virtualis refers to inauthentic virtuality only as one of its possible variants without connection with the self—affecting component as such.

Conclusions. Anthropological reality is in a state of bifurcation, from which it can emerge in several ways, the most likely of which will be the ways of deanthropologization in algorithmic flows and codes of the digital environment, or the way of preserving the phenomena of self-action, vivid imagination associated with subjectivity and the field of authentic virtuality.

Keywords:

homo imaginabundus,
homo virtualis,
deanthropologization,
authentic virtuality,
digital postontology